

Исаев Тимофей Сафронович (Михайловка)

Родился в селе Михайловка в 1925 году. Окончил 7-летнюю школу. На фронт призван в августе 1942 года. В г. Красноярске окончил полковую школу военных командиров по военной подготовке расчета танкового пулемета и курсы младших командиров. После окончания курсов получил воинское звание старший сержант, командир отделения станкового пулемета. В июне 1943 года перебросили в г. Звенигород (под Москвой), где по май 1944 года прошел курсы подготовки десантников воздушно-десантного полка, способных воевать в тылу вражеской обороны. В конце мая 1944 года в составе 7 армии 304 стрелкового гвардейского полка Карело-Финского фронта под командованием маршала Мерецкова участвовал в освобождении от финских войск Южную Карелию до Финской границы.

При освобождении г. Олонец получил ранение.

15 октября 1945 года после лечения в госпитале был демобилизован в звании старшего сержанта, командира станкового пулеметного расчета. Возвращение домой очень памятно: слезы, радость, объяснения, и снова слезы. Еще шла война, в январе 1945 года местные власти предложили принять клуб, избу-читальню. 32 года посвятил

культработе. 10 лет работал председателем сельсовета. Вырастили с женой четверых детей.

Награжден орденом Отечественной войны, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», медалью Жукова, «Ветеран труда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.», «За трудовую доблесть», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина», знаком Министерства культуры «Отличник культпросветработы».

Лобышева Н. СОЛДАТ - ВСЕГДА СОЛДАТ.

// Сельская новь. – 1985.- 11 июля.

Сказать, что он всю жизнь связал с жизнью села, будет недостаточно. Тимофей Сафронович Исаев прикипел к родной Михайловке, посвятил односельчанам всю свою сознательную жизнь, все силы. Можно сказать, что биография Т.Г. Исаева переплелась с историей Михайловки. 10 июня Тимофею Сафроновичу исполнилось шестьдесят лет.

Он родился в деревне Алексеевка Михайловского Сельсовета. Когда ему исполнилось три года, семья переехала в Михайловку. С малых лет остался без отца. Каково матери было воспитывать троих детей, каких усилий это ей стоило, об этом трудно рассказать. Жили в землянке в течение семи лет. Ребятишкам в летнее время приходилось ходить в тайгу, собирать ягоду и менять ее потом на хлеб и молоко.

Но мать не забыла об учебе детей. Сначала отправила в школу старшего - Алексея, а затем Тимофея и Ивана. А в семье нужны были рабочие руки, чтобы зарабатывать на кусок хлеба, зарабатывать трудодни, и оба брата, что постарше, оставляют школу и идут в колхоз. Работают там добросовестно, старший Алексей даже удостоен был почести съездить на сельскохозяйственную выставку в Москву.

И вот 1939 год. Алексея призывают в ряды Красной Армии. За кормильца остается Тимофей. Трудился наравне со взрослыми на

разных работах, на зиму отправлялся на лесозаготовку в тайгу в район Нижнего Тереша. А было ему в ту пору 15 лет.

Война для всех стала бедой. В том же 1941-м году в боях под Смоленском тяжело ранило Алексея. Тимофей очень переживает за брата, так как очень его любил. Тяжело было смотреть на переживания матери, все она вестей ждала от старшего сына, а их больше не было. Пришла похоронка. С этого времени Тимофей стал рваться добровольцем на фронт. Его призвали в армию, когда ему исполнилось 17 лет.

После окончания военного училища ему было присвоено звание старшего сержанта, командира пулеметного расчета. В 1943-м году Тимофей попал в военно-воздушные десантные войска. Шла подготовка для заброски в тыл врага. В 1944-м году он участвует в боях в Карелии. Яростно бил врага, мстя за слезы матери, за брата, за Родину. Его станковый пулемет работал так, что в кожухе частенько закипала вода. А затем последовали жаркие бои за Ленинград. В одном из них взрыв снаряда почти засыпал его землей. Тяжело контуженого Тимофея Сафроновича в пропитанной кровью гимнастерке привезли в медсанчасть. Здесь определили, что у него четыре осколочных ранения, одно – навывлет, три осколка глубоко засели в теле.

И вот Вологда, госпиталь, операция. А затем суровый приговор врачей: к дальнейшему прохождению воинской службы не годен. В октябре 1944 года Тимофей Сафронович приехал в Михайловку. Домой до станции шел пешком, очень уж стосковался по родным местам. В деревне было пусто. Мужиков нет, лишь три инвалида, приехавшие с фронта раньше его, да он четвертый. Все женщины и дети копали в тот день в поле колхозную картошку, несмотря на слякоть и ветер. Мать тоже была в поле.

Дома Тимофей узнал, что почти уж год брат Иван воюет на фронте. Недолго отдыхал Тимофей. Почти сразу же ему предложили возглавить работу избы-читальни. Правой рукой он не владел, пришлось приловчиться делать все левой: писать и ложку держать. Лозунги писал на газетах деревянным пером.

После победы стали возвращаться в село мужчины-фронтовики. Вечерами молодежь набивалась в избы-читальню. Засиживались часто до глубокой ночи. Спорили, мечтали о будущей мирной жизни, читали

вслух, обсуждали последние новости. В кружки художественной самодеятельности шли сами – и парни, и девушки. Хоровой коллектив принимал участие даже в областных смотрах. Силами молодежи в 1947-1948 годах построено было здание клуба, который стоит в Михайловке и по сей день. Это был радостный период в жизни Тимофея Сафроновича. Он чувствовал и понимал, что делает нужное и полезное дело, несет радость людям труда.

Стаж культпросветработника Т.С. Исаева составляет 30 лет. В шестидесятых годах он заочно окончил Кемеровское культурно-просветительное училище и получил специальность методиста-организатора культпросветработы. Вся его трудовая жизнь прошла на виду у односельчан. С ними Тимофей Сафронович делил и радости, и беды. Жил их заботами и нуждами.

По зову сердца в 1946 году Т.С. Исаев вступил в партию. Последние пятнадцать лет возглавляет первичную партийную организацию, принципиально решая все дела коммунистов Михайловки. Является депутатом сельского Совета восьми созывов. Избранник народа, он и здесь выражает его надежды. В 1971 году Тимофея Сафроновича избирают председателем исполкома Михайловского сельсовета. На этом посту он проработал до 1980 года. Затем снова идет работать в клуб.

Его скромный труд не раз отмечен Родиной. Всего Тимофей Сафронович имеет девять государственных наград. 30 марта 1967 года Президиум Верховного Совета СССР награждает его медалью «За трудовую доблесть». Хранится у него множество дипломов и Почетных грамот районного и областного отдела культуры, дипломы Министерства культуры СССР, редакции газеты «Правда», ЦК ВЛКСМ, комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР за отличную постановку культпросветработы.

Вся сила Тимофея Сафроновича – в тесной связи с людьми, населением села, молодежью, с комсомолом. Он – душа местного Дома культуры. В состав совета клуба входят лучшие представители трудового коллектива. С их помощью при активной поддержке райисполкома, сельсовета, партийной организации в Михайловском ДК проводятся интересные массовые мероприятия. Молодежь перенимает традиции старшего поколения. Тимофей Сафронович охотно делится своим богатым опытом, работая, шагая в ногу со временем.

Исаев Т. ТОЛЬКО РАНЫ БОЛЯТ К НЕПОГОДЕ...

// Сельская новь.- 1995.- 11 июля.

Молодые, здоровые ребята, все как на подбор, смело и без оглядки откликнулись на призыв «На защиту Родины!». Только из Михайловки ушли 130 человек. 68 из них не вернулось. Есть семьи, где погибло два, три и более человека: Адамовы, Галактионовы, Арсентьевы... А из тех 62-х, что вернулись после Победы, сегодня осталось только девять. И не только возраст причина их ухода. Фронтовые раны, подорванное здоровье, а порой, и людское равнодушие ускорили этот уход.

Но, поверьте мне, никто из ветеранов никогда не жаловался на свою судьбу. Они воспитывали детей, укрепляли семейные очаги, поднимали хозяйство. Они жили так, что оставили о себе добрую память. И мы, живущие, о них помним.

И в нашу семью пришла война. Пришла и оставила неизгладимые метки.

У нашей матери, Марфы Трифоновны, было трое детей. Каково ей было одной нас поднимать! Жили в землянке. Так распорядилась Советская власть. У нас отобрали дом, корову и коня. Все это принадлежало нашему деду. И кроме этого богатства у него ничего не было. Денег не хватало. Ели не досыта. Нам, ребятишкам, приходилось в тайге собирать ягоду и менять ее на хлеб и молоко.

В 1939 году Алексея призывают в ряды Красной Армии. Служил он в Забайкальском военном округе.

Когда начинается война, мы, все три брата, оказываемся на фронте. Дома остается мама с дедом, семидесятилетним Трифоном Игнатьевичем, совершенно слепым стариком, и с горькими мыслями о судьбе сыновей.

Тем временем враг подошел к столице. По решению ставки Верховного командования 65-я дивизия, где служил брат Алексей, отправляется на передовую.

В ноябре 1941 года под Тихвином Алексей принял боевое крещение. В этом сражении храбро воевали друзья брата, парни из нашей деревни, служившие с ним еще на Востоке. Это были смелые и умелые бойцы, несмотря на то, что владели они очень мирными профессиями до войны.

Вот их имена: А.С. и И.М Антоновы, Е.П. Савельев, П.П. и Н.Н. Карзаковы, В.В. Колесников, И.Л.. Воронов, М.П. Арыков.

В том бою оба Карзакова погибли. Мой брат получил тяжелое ранение. Восемь месяцев находился Алексей в госпитале в г. Уфе. Поправившись, он снова уезжает на фронт. Теперь уже под Новгород. Здесь обрывается след солдата Алексея Исаева.

Я искал брата 47 лет. Получил множество ответов: «Пропал без вести». В этих словах для мамы была какая-то надежда. Она продолжала надеяться на встречу. Но так и не дождалась. Умерла...

И только через полвека я узнаю о месте гибели и захоронения своего любимого брата. Я даже побывал в Новгороде. На братской могиле в деревне Бор установлен обелиск. А на нем выведены фамилия, имя, отчество и год рождения погибших воинов. Сомнений нет: здесь похоронен мой брат.

Возложили цветы, помянули Алексея. Тяжелое было свидание с братом. Но сердце успокоилось: теперь мы знали, где покоится наш невернувшийся солдат.

Мне выпала иная судьба.

Призван в августе 1942 года. Прошел краткосрочные курсы пулеметчика и по подготовке младшего комсостава. После учебы нас перебросили в Звенигород, что под Москвой. И через шесть месяцев мы стали гвардейцами воздушно-десантных войск. Десантники были хорошо обучены и вооружены. Они всегда являлись мощным противником для немцев.

30 мая 1944 года перед войсками Карельского фронта Ставка поставила задачу: очистить от неприятеля Южную Карелию. 7-й армии, в которой воевал я, противостояло 76 тысяч солдат противника с 580 орудиями.

И вот началось наступление. Артподготовка длилась три с половиной часа. Наши бомбардировщики значительно облегчили нам форсирование реки Свирь и освобождение города Лодейное Поле. За три дня непрерывных боев мы освободили свыше 200 населенных пунктов. При этом мы несли большие потери. После этих трех дней в нашем батальоне осталось 27 боеспособных солдат.

Помнится другой бой. Нам приказали взять высоту противника обходным маневром. Шли всю ночь. К рассвету подошли вплотную к высоте. Саперы рассекли проволочные заграждения. Ждем приказа.

И тут случается непоправимое. Один из наших солдат нечаянно выстрелил из винтовки, что для врага явилось сигналом тревоги.

Поднялась стрельба. Причем враг оказался в более выгодном положении: мы у них как на ладони.

Нашим ответом был ураганный огонь. Стреляли из станкового пулемета без щитка, который явился бы хорошей мишенью, и нас бы накрыли прямой наводкой. Потеряли мы только подносчика патронов Николая Пыхова.

Но наша первая же атака захлебнулась. Мы несли большие потери. Отовсюду раздавались стоны раненых. Ясно: надо отступить. Вернувшись на исходные позиции, бойцы несказанно обрадовались: на поляне стояли две «катюши». И мы, уставшие, израненные, долго любовались на работу «катюш». Они били по невзятой нами высоте. Через два часа, ступив на то место, которое еще недавно было неприступным, мы его не узнали. Земля была выжжена дотла. Между тем враг здесь стоял два с половиной года и за это время создал мощные укрепления.

В одном из боев осколками от снаряда был тяжело ранен и я. Не знаю, сколько времени я лежал без сознания. Открываю глаза: рядом воронка от снаряда и однополчанин мой Михаил Грачев пытается меня поднять. Он и доставил меня в медсанбат. Там я понял, что остался без руки, это страшно. Но уже в госпитале мне «сделали другую руку», чтоб я хоть ложку держал.

Перфилов И. ЧЕЛОВЕК ЗАЖИГАЕТ ОГНИ// Сельская новь
– 1966.- 22 февраля. – С. 2-3.

Небо покрыто белесой вуалью, на фоне которой почти не видно кружащих в воздухе снежинок. Стояла тишина, предвещающая бурю. Мы шли к машине, чтобы до наступления темноты и начала метели пробиться до с. Трудармейского. И вдруг невольно остановились. С другого конца улицы полилась дивная мелодия. Затем показалась группа женщин. Среди них были молодые и пожилые.

- Как красиво поют!.. тихо произнес мой спутник.

Пели действительно хорошо. Голоса сливались в стройную мелодию, и в то же время каждый чем-то выделялся из общего хора.

Поющая деревня. Нет, я не оговорился. Здесь поют не отдельные любители песни, а все, от мала, до велика.

Откуда это? С чего началось?

Началось с избы-читальни. Вернее, с того момента, как избачом стал работать Тимофей Сафронович Исаев.

...Обучив боевым действиям в условиях лесов, болот и озер, воздушных десантников направили на борьбу с фашистскими частями на штурм сильно укрепленного плацдарма между Онежским и Ладожским озерами. Участвуя в боях с упорно сопротивлявшимся врагом, Тимофей Сафронович получил тяжелое ранение. Полтора месяца лечения в госпитале, затем демобилизация.

Демобилизованный солдат прибыл в Михайловку в дни, когда здесь были одни женщины, старики да малые ребята. Неудобно молодому парню принимать избы-читальню, когда женщины во всем заменяют своих мужей, братьев и отцов. Да ничего не поделаешь. Для физической работы Тимофей Сафронович уже не годился.

Дом делился на две половины. В одной располагалась колхозная контора, в другой – сельсовет и изба-читальня.

«Все для фронта! Все для победы!» - под таким лозунгом трудилась деревня. Избачу приходилось идти на поля, на фермы, рассказывать колхозникам о положении на фронтах Великой Отечественной войны, о работе бригад и ферм. Выпускать стенные газеты, «Боевые листки», писать лозунги, разносить по бригадам книги, которых и было-то 100 экземпляров.

Хорошую работу избача заметили. В 1945 году его принимают кандидатом, а через год – в члены партии.

Молодой коммунист не знает ни сна, ни отдыха. Добивается выделения под избы-читальню отдельного помещения из двух комнат. Хоть это и не клуб, но при желании развернуть работу можно.

Исаев начинает ее разворачивать. Приглашает записаться в кружок тех, кто имеет хороший голос, кто умеет плясать. Организуется небольшой коллектив художественной самодеятельности. Под открытым небом, на токах и полевых станах исполняются песни о партии, о Родине, чувашские народные и обрядовые песни. Далеко разносятся чистые и звонкие голоса, переливаются звуки гармошки, на которой аккомпанирует певцам Татьяна Ильмукова.

В 1944 году состоялся первый выезд на областной смотр. Областной отдел культуры наградил самодеятельных певцов грамотами, а коллектив – библиотечкой.

Долги зимние вечера. Хоть и темно, но спать ложиться рано. И колхозники идут на огонек избы-читальни, зажженный молодыми энтузиастами. В хоровой коллектив включаются все новые силы. Двух комнат теперь не хватает.

- Клуб бы нам построить, - предлагает Т.С. Исаев.

- Дело говоришь, Тимофей! Клуб так клуб. Материал дадим, строить будете сами. Идет?

Поддержка председателя колхоза «Хельхем» Егора Михайловича Шернина окрылила молодежь.

Начались воскресники, работами вечерами. Стены росли быстро. Вот уже появились стропила, а через год, в 1948, клуб белел новыми смолистыми стенами и высокой шатровой крышей. В широких окнах зажглись яркие огни.

В новом просторном клубе и дела пошли по-другому. Хоровой коллектив вырос до 30 человек. Потребовался знающий руководитель, который умел бы не только вести аккомпанемент, но и правильно распределить голоса, добиться наилучшего звучания песни. Тимофей Исаев обратился за помощью к учителю пения Михайловской школы Леониду Даниловичу Елееву. Любитель и знаток чувашской песни, Леонид Данилович охотно согласился. Теперь репетиции проводятся грамотно, звучание хора все слаженнее и гармоничнее.

Тимофей Сафронович составляет месячные планы, договаривается о чтении лекций, проведении бесед и докладов с учителями, медицинскими работниками, специалистами сельского хозяйства. Готовятся диспуты, тематические вечера, устные журналы. Вот и сейчас заведующий клубом озабочен тем, как провести диспут на тему «Готов ли ты жить при коммунизме?». Он уже готовится, и трудности оказались немалые. Но преодолеть их не впервые. Поэтому он уверен: диспут пройдет хорошо, с большой пользой.

Работают здесь и драматический коллектив, и спортивная, и шахматно-шашечная секции.

Все помыслы Тимофея Сафроновича Исаева направлены на то, как организовать досуг односельчан, построить работу с таким расчетом, чтобы она наиболее полно содействовала воспитанию людей в духе морального кодекса строителя коммунизма, в соответствии с требованиями Программы КПСС. В этом направлении коммунист Исаев делает многое. Свидетельство тому – грамоты,

которыми он награжден областным отделом культуры, обкомом комсомола. Если все эти грамоты повесить на стены дома, в котором он живет, то стен для них, пожалуй, не хватит.

Есть у Т.С. Исаева хорошая черта – отсутствие зазнайства и самоуспокоенности. Он не довольствуется своими знаниями и учится уже на четвертом курсе культпросветшколы. В январе этого года ему присвоено звание «Отличник культпросветработы».

Построенный в Михайловке клуб назывался клубом колхоза «Хельхем». В переводе на русский язык это означает «Искра». И искра эта разгорелась в пламя высокой активности жителей в работе по коммунистическому воспитанию людей.

Исаев Т. ИХ БЫЛО ДВЕНАДЦАТЬ.// Сельская новь.

– 1996. – 3 сентября.

Помощник командира объявил, что на рискованное задание, из которого, может быть, никто не вернется живым, требуется двенадцать человек. Когда он сказал об этом, из строя выступили вперед более полутора ста смельчаков.

Слух о призыве майора дошел и до роты автоматчиков, которые стояли на отшибе. И оттуда явились недовольные: почему от нас никого не берут? Майор знал, что на его зов встанут многие, но выбрать нужно было только двенадцать, и повторял каждому то, в чем был сам убежден:

- Дело рискованное. Нужно уметь плавать. Идете на смерть. Подумайте хорошенько.

Ночью ходами сообщения, пересекавшими все Лодейное Поле, командир батальона капитан Махотин провел смельчаков к переднему краю. Все дома, оставленные жителями города, были разбиты фашистскими снарядами. Черными пустыми глазницами разбитых окон уставились на улицы бревенчатые, покинутые жителями, дома. Окопы тянулись вдоль по берегу Свири.

На другом берегу были белофинны. Два с половиной года они укрепляли северный берег, рыли окопы, строили доты, вкапывали в землю стальные колпаки, опутывались бесчисленными рядами колючей проволоки. Весь наш берег был у них отлично пристрелян. А на том берегу, чуть ли не вплотную к воде, подступал густой лес, скрывавший противника.

Свирь. Это рубеж, на котором в октябре 1941 года были остановлены финские приспешники Гитлера. Именно здесь они стремились сомкнуться, соединиться с немецкими войсками, создать непрерывный, от Баренцева до Черного моря фронт и тяжелым неразмыкаемым кольцом на дальних подступах замкнуть кольцо блокады Ленинграда. Отсюда они собирались броситься на Волгу, отрезая советский Север от центра, но здесь, на Свири, белофинны были остановлены.

Под Тихвином в ноябре-декабре 1941 года войска генерала армии Мерецкова остановили, затем разгромили и далеко назад отбросили группировку немецких войск генерала Шмидта, которые должны были соединиться с белофиннами.

Здесь, в этих боях, храбро сражались только что прибывшие войсковые соединения с Дальнего Востока под командованием Кошевого. В этих соединениях были и наши ребята из Кузбасса – из села Михайловка Прокопьевского района. Им через пять месяцев предстояло вернуться домой к своим семьям, но война это сделать помешала. Назовем их поименно: Петр Павлович Карзаков – учитель, погиб; Александр Семенович Антонов – учитель, ранен; Алексей Сафронович Исаев – хлебороб, погиб; Ефим Петрович Савельев – учитель, ранен; Николай Васильевич Варфоломеев – хлебороб из Трудармейки, погиб; Михаил Леонтьевич Арыков – хлебороб, ранен; Виктор Васильевич Колесников – учитель, тяжело ранен; Александр Тимофеевич Афанасьев – учитель из д. Оселки. Все они были в 95-й дивизии Кошевого.

Фашисты лихорадочно укрепляли северный берег Свири, которая в ряде документов объявлялась ими естественной нерушимой государственной границей Финляндии. И все-таки, боясь, что наши войска перейдут в наступление, финны толком взрывали лед на Свири, и от непрерывного света ракет в темные длинные зимние ночи здесь было светлее, чем в ясный день.

Два с половиной года ждали бойцы приказа: «Вперед!» И вот час настал. Капитан Махотин спокойно, словно говорил о самых обыденных вещах, сказал:

- Нам предстоит форсировать реку. Посмотрите, там противник. Немчиков, Бекбосунов, Юнусов, Малышев – всего двенадцать комсомольцев-гвардейцев с волнением смотрели из наших окопов на

противоположный берег. Свирь здесь была широка, она быстро катила на запад холодные и глубокие воды. Каких-нибудь полкилометра – и враг.

- Для того, чтобы форсировать, нужно подавить огневые точки переднего края противника. А они будут молчать до последней минуты, - сказал капитан Махотин, - надо заставить их говорить. И вот вы первые, понимаете, - первые, за полчаса до общего срока должны в разных местах броситься в воду и поплыть на другой берег, привлекая все внимание, а значит весь огонь противника. Вы сможете обнаружить и подавить огневые точки. Это облегчит переправу другим. Но для того, чтобы вызвать огонь всех точек, - продолжал капитан, - вы будете толкать перед собой плоты, на которых будут сидеть чучела. И вам за плотами плыть будет безопаснее.

Молча закончили ночную рекогносцировку, и только «сипуха» - так называли вражеский шестиствольный миномет – все время била по нашему берегу. Полк переходил на исходную позицию для переправы. Смельчаки разбились на группы по трое. Теперь все сидели у костров и писали последние письма родителям и близким. И все двенадцать были убеждены, что встречают последний восход солнца в своей жизни.

-Ну, пора идти! – сказал Малышев, отойдя от костра. Друзья посмотрели друг на друга и обнялись.

Началась знаменательная трехчасовая артиллерийская подготовка, которую можно сравнить только с вулканическим извержением. Исключительно слаженно работали артиллеристы и авиаторы.

Это было непросто – форсирование большого водного рубежа, а одновременно и прорыв сильно укрепленной полосы, построенной за два с половиной года. Операция усложнялась тем, что на другом берегу, чуть ли не вплотную к воде, подходил лес, скрывавший противника.

Орудия всех калибров били по всей глубине вражеской обороны. Несколько сотен самолетов утюжили вражеский берег. Дрожала земля. Немчиков, Юнусов, Бекбосунов, Мытарев и Паньков уже ни о чем не думали, кроме того, что им предстояло сделать.

Теперь вся жизнь, весь ее смысл заключался для них в трехстах пятидесяти метрах этой свинцовой воды, в куске своего берега, в

куске противоположного. Плыть предстояло в сапогах и обмундировании. Немчиков и Юнусов для того, чтобы было удобно, сняли нижнее белье и портянки. У каждого был автомат с шестью рожками.

Немчиков оглянулся: где же плоты с чучелами? Чучела были готовы, но автоматчики еще не успели, как следует нарядить их.

- А черт с ними, с этими чучелами! – решил Немчиков и вместе с Юнусовым и Тихоновым побежал к воде.

В тройке Малышева плот с чучелами был разбит еще на нашем берегу. Бросились в воду и поплыли. Финский берег отозвался огнем. Противник бил по смельчакам из минометов. Заработала батарея трехдюймовок, застрочил пулемет.

Холодная упругая вода сносила их к Ладоге, тяжелый груз тянул ко дну. Стальные каски пригибали голову к воде – трудно было даже приподнять ее, чтобы вздохнуть глоток свежего воздуха.

Издали казалось, что плывут одни каски. Враги видели, что смельчаки приближаются к северному берегу. И это вызвало новый шквал огня.

Над головами пловцов свистели пули, рвались мины. Двенадцать комсомольцев сделали свое дело – вынудили белофиннов открыть огонь из затаившихся огневых точек. С нашего берега по ним вели огонь пулеметы, и бойцы обстреливали их из винтовок.

Доплыв до середины реки, Немчиков оглянулся и увидел, как бойцы сталкивают с берега лодки, садятся в них. Некоторые уже отчалили. Река была усеяна плотами, плоскодонными дощатыми лодками. Одна из них вскоре догнала Немчикова и Юнусова. Рядом разорвалась мина, люди, сидевшие в лодке, повалились на дно. Весла выпали из рук и поплыли по течению. Лодка завертелась. Ее понесло вниз. Финны продолжали бить по этой лодке. Немчиков и Юнусов подплыли к плоскодонке, выровняли ее. Они подали весло бойцу Артамонову и под огнем потянули лодку к берегу. Раненый Артамонов в это время каской вычерпывал воду. От крови она была багровой.

Немчиков и Юнусов подтянули плоскодонку, вытащили из нее раненых. В разных местах к берегу подплывали товарищи. Немчиков увидел, как, стреляя на ходу, вперед к проволоке побежал Бекбосунов. Вместе с Юнусовым устремился за ним. Они проползли под четырьмя рядами проволоки и попали в траншею.

И тут они услышали такой родной голос комбата Махотина. Капитан был уже в траншее и звал вперед. Они устремились к комбату.

Огромное счастье окрылило их. Они сделали то, что надо, и остались живы. И они пошли вперед.

В первый день прошли с боями по болотам семнадцать километров. Пробирались по лесной топи, мерзли, но шли вперед. В тот день река Свирь была форсирована на протяжении от Онежского озера до Ладожского, от Вознесенья до Лодейного Поля.